

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ДОМ»
ГОУ ВПО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РАЙОН

Издательство Томского университета
2014

О.М. Рындина

«ОСТАВАЙСЯ ХОЗЯИНОМ!»*
(об Альберте Генриховиче Симоне)

Альберт Генрихович Симон родился в 1927 г. в деревне Антвернбург Саратовской области. Его мать, Луиза Андреевна, в девичестве Швенгель, родилась там же. Об отце сохранились слабые воспоминания. Он работал в колхозе и в голодном 1933 г. принёс домой немного зерна, чтобы хоть как-то поддержать детей. Об этом стало известно властям, отца арестовали, посадили, и больше семья его не видела. Альберту тогда шёл шестой год. Всего в семье росло 6 детей. В память врезались последние слова отца: «Оставайся хозяином!». Так на его и материнские плечи легло домашнее хозяйство: 3 коровы, 3 коня и фруктовый сад с яблонями, грушами, вишнями.

После начала Великой Отечественной войны объявили о выселении немцев с Поволжья. Весь скот согнали в церковь, кур – под телеги. Людей посадили на телеги и везли километров 5 до Волги, до Саратова. Там пересадили в «телячьи» вагоны и больше месяца везли по железной дороге до Новосибирска. Основной пищей служили сухари, взятые в дорогу, правда, один раз в день переселенцев кормили горячим. Выгрузили на станции Болотное, куда приехали на телегах женщины и девушки. Они повезли прибывших в деревню Степаниха, где был колхоз. Семью Симон подсадили к «старикам». Они оказались хорошими людьми: старались чем-нибудь угостить постояльцев, подкормить их. Альберт готов был остаться у них навсегда, тем более что с хозяйским сыном Мишкой, своим ровесником, постоянно играли вместе в свободное время. Его, правда, было немного: приходилось работать в колхозе на разных работах, а зи-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

мой сапожничать, подшивать валенки, чтобы получить хоть какой-то дополнительный заработок. Расплачивались с ним хлебом, мукой. Весной Альберта отправили на конюшню, и он так полюбил лошадей, что 45 последующих лет проработал конюхом.

Затем вновь сорвали с уже насиженного места, на телегах повезли к Оби. Здесь посадили на пароход, на котором довели до деревни Мегипугольское, что в 9 км выше по Оби от села Лукашкино. Там был колхоз. Высадили на берег в августе. Сутки все провели под навесом. Вокруг недружелюбно возвышалась первозданная тайга. Мать, обнимая детей, плакала от бессилия и немощи, а Альберт не мог поддаваться чувствам: на нём лежала ответственность за жизнь членов семьи. Он собирал шишки, ими и кормил родных. На следующий день пришёл катер с большой лодкой. Приплывший мужчина выкрикивал фамилии тех семей, которые должен был забрать с собой. Среди прочих он назвал и фамилию Симон. На сей раз увезли в Малое Вачпугольское, где жили ханты. Когда выгрузили на берег, Альберт испугался: здесь стояли женщины с распущенными волосами и курили трубки. Сначала семью поселили у хантов в срубном доме. Позднее Альберт построил из дёрна свой. Лопатой нарезал дёрн на прямоугольные куски, срезал траву, перевернул каждый кусок, подравнял землю. Затем вкопал 4 столба по углам будущего дома, посередине поставил 3 опоры под балки. Между столбами из пластин дёрна выложил стены, обмазал их глиной, смешанной с навозом, а внутри – ещё и илом. Пол укрепил илом с навозом. Внутри соорудил нары.

В Вачпугольском переселенцам выдавали паёк: 200 граммов хлеба на день, сахар, крупу и другие продукты. Пайка не хватало, поэтому варили крапиву, конский щавель, сырой ели чёрную смородину, а зелёную ягоду сушили, парили, парили и шиповник. Серьёзным пищевым подспорьем служила черёмуха: её собирали, сушили, толкли в ступе и из полученной массы пекли лепёшки. Сажали картошку. Ханты называли переселенцев «русь – землю едят» за то, что они выращивали и ели картошку. Позднее и сами ханты почувствовали вкус к ней и тоже стали сами сажать и употреблять в пищу. Первое время Альберт не умел ловить рыбу, но через год научился: ставил в озеро найденный в лесу фитиль и доставал из него карасей. Много пришлось пережить, несладко пришлось, но никто не умер с голоду.

В Вачпугольском Альберт прожил 17 лет, работая на конюшне, летом пас коров, лошадей. Хотя колхоз был рыболовецкий, но в нём держали 18 коров. Из трудармии в Вачпугольское привозили мужчин, в том числе и из шахт под Челябинском. Среди привезённых оказался и агроном Язев, родом из Московской области, который многому научил Альберта.

В 1952 г. Альберт Генрихович женился на Эрне Ивановне Ильберг. В этом году его отправили на лесозаготовку в Чкалово. Там молодые люди и познакомились. Альберт купил кедровых орех и угостил девушку. Поцеловали, поговорили, разошлись – и снова встретились. Через некоторое время Альберт предложил пожениться. Эрна съездила к родителям в артель имени «18-го партсъезда», чтобы получить благословение. После её возвращения в барачном углу им отгородили шторами угол. Так возникла новая семья. В рыболовецкий колхоз вернулись уже вдвоём. Председатель обрадовался: появились новые руки. Альберта отправили пахать поля в Тополёвку, а Эрна работала поваром у рыбаков на стрежневых песках. Пришёл катер – и она уехала к родителям. Там у неё родилась дочь, которая в настоящее время живет в Новосибирске. Через некоторое время Эрна написала письмо, что хочет вернуться. Альберт поехал и привёз её в колхоз.

В 1958 г. семья Симон переехала на жительство в Тополёвку. Здесь похоронили мать Альберта Генриховича в возрасте 93 лет. Примерно в 1968 г. купили у немца дом из сосны. В нём имелись прихожая, зал и спальня. Семья к тому времени уже насчитывала четверых детей. Быт помаленьку обустроился, жизнь начала налаживаться. Обзавелись хозяйством: держали корову, свиней, кур, выращивали на огороде картофель, на грядках, без теплиц, помидоры, огурцы, а также капусту, горох и фасоль. Одно тревожило: школа в деревне четырёхлетняя, а последняя дочь не хотела жить в интернате, в Лукашкино. Во время учебного года Альберт Генрихович каждую неделю ездил туда на лошадях за деревенскими ребяташками и привозил на выходные домой. В морозы надевал шубу из собачьих шкур, а вторую стелил на дровни. Эти шубы сшили ему остяки, т.е. ханты. На одну Альберта Генриховича сам вырастил 8 собак, а ещё 11 купил на вторую. Эти шубы целы до сих пор, одна весит на сеновале, а вторую забрал сын. Младшая дочь училась хо-

рошо, и мать посоветовала ей уговорить отца переехать в Александровское. Замысел удался, Альберт Генрихович написал заявление о переводе, которое начальство подписало.

В Александровском дали квартиру, но в 1969 г. случилось большое наводнение, и дом затопило по окна. Альберт Генрихович отвёл свой скот на колхозную конюшню, семью разместил в хомутной. За 3 тысячи рублей купил у русских избушку, обшил её, сам соорудил хозяйственные постройки на дворе. С восточной стороны рядом с домом расположены летняя кухня и сарай-«чулан», возле которого приютилась летняя печь. Перпендикулярно к дому находится ряд сплошных хозяйственных построек. К улице примыкает дровяник, за ним идут сарай, перед которым в просторной конуре хозяйничает лохматый пёс-красавец, конюшня, срубная стайка и высокий двухъярусный сеновал с пристроенным к нему курятником. На стайке хранятся дровни, упряжи, меховая одежда, в том числе дохи из собачьих шкур, напоминая хозяину о времени, когда ездил на лошадях. Между хозяйственными строениями и домом раскинулся огород внушительного размера с чисто прополотыми грядками и окученной картошкой.

Жена Альберта Генриховича, Эрна Ивановна, любила вышивать, её изделия украшали интерьер комнат. Выполненная ею на шторках вышивка «ришелье» до сих пор украшает окна летней кухни. Жена, умерла в 2007 г. в возрасте 55 лет. Сейчас Альберт Генриховича живёт вместе с дочерью.

В Александровском немцы делали мебель, ящики, оконные рамы. Шкафы, изготовленные немецкими мастерами, стоят в некоторых семьях и сейчас. Обязательной принадлежностью любого дома до сих пор являются сундуки внушительных размеров. Их немцы умели делать с автоматическим внутренним замком. Однажды он стал причиной гибели ребёнка, который залез в сундук, а крышка захлопнулась, и сработал замок. Мать была на работе, а когда вернулась вечером домой, то нашла задохнувшегося в сундуке ребёнка. С тех пор автоматические замки практически перестали делать.

Раньше, вспоминает Альберт Генрихович, обязательно отмечали Рождество, Новый год и Пасху. На Рождество ставили ёлку, всей семьёй молились по старым немецким книгам, дарили детям подарки, поздравляли родственников. На Пасху дети ждали, что придёт заяц и

принесёт подарки. Для них вечером выставляли тарелочки, а утром обнаруживали в них пророщенные зёрна овса с красивой зеленью, крашенные в жёлтый, красный, зелёный цвета яйца, сладости и... следы зайца на песке. В дни рождения было принято дарить подарки: рубашки, штанишки, сладости, но стол, как сейчас, не накрывали.

В настоящее время Альберт Генрихович, как и прежде, стоит во главе разросшейся семьи Симон, и семья эта многопоколенная и многонациональная: снохи – русские, а зять – «хохол», поэтому свадьбы им справляли «по-русски». Альберт Генрихович ходил свататься к родителям невесты, через несколько дней играли свадьбу. Стряпать нанимали русскую женщину: русские стряпают не хуже немцев. Свадебный стол накрывали в столовой. Регистрировались в ЗАГСе. Универсальный свадебный сценарий, растворивший всё своеобразие национальных традиций, и не только немецких.